

Российская академия наук
Институт экономики

Б.А. Хейфец

МЕТАМОРФОЗА
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Москва
Институт экономики
2018

Хейфец Б.А. Метаморфоза экономической глобализации. — М: Институт экономики РАН, 2018. — 41 с.

ISBN 978-5-9940-0620-7

В докладе рассматриваются особенности нового этапа глобализации. Показано, что замедление глобализационных процессов носит временный характер, оно касается традиционных активов, в то время как принципиально усиливаются межгосударственные потоки новых активов, вызванные 4-й промышленной революцией. Не являясь препятствием для глобализации и усилившиеся тенденции к регионализации и трансрегионализации, которые стимулируют все государства к снятию барьеров в торговле и инвестициях и улучшению инвестиционного климата. Мощным драйвером современного этапа глобализации является неформальная глобализация, или «глобализация снизу», которая связана с активностью граждан. Растет число зарубежных туристических поездок, обучающихся и работающих за рубежом, количество покупок за рубежом через Интернет. Глобализация производства трансформируется в глобализацию потребления, когда будут постепенно формироваться общие экономические пространства без государственных границ и без участия надгосударственных формальных институтов.

Ключевые слова: конец глобализации, протекционизм, новые технологии, трансрегионализация, экономические мегапартнерства, потребительская глобализация.

Классификация JEL: F13, F15, F23, F62.

Kheyfets Boris A. Metamorphosis of economic globalization. — Institute of Economics RAS, 2018. — 41p.

The paper considers the features of a new stage of globalization. It is shown that the slowing down of globalization processes is temporary, it concerns traditional assets, while the interstate flows of new assets triggered by the 4th industrial revolution are fundamentally strengthened. The increased tendencies towards regionalization and transregionalization, which stimulate all states to remove barriers to trade and investment and improve the investment climate, is not an obstacle to globalization. A powerful driver of the modern stage of globalization is informal globalization, or “globalization from below,” which is connected with the activity of citizens. The number of foreign tourist trips, studying and working abroad, and purchases abroad via the Internet is growing. Unlike the previous stage of globalization of production, this will be a stage of globalization of consumption, when the common economic spaces will gradually be formed without state borders and without the participation of supranational formal institutions.

Keywords: end of globalization, protectionism, new technologies, transregionalization, economic mega-partnerships, consumer globalization.

JEL Classification: F13, F15, F23, F62.

© Хейфец Б.А., 2018

© Институт экономики РАН, 2018

© Валерис В.Е., дизайн, 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	4
Глава I. Понятие экономической глобализации	6
Глава II. Замедление глобализации и его причины.....	9
Глава III. Экономический национализм.....	11
Глава IV. Новые технологии и глобализация	15
Глава V. Новые стратегии бизнеса	22
Глава VI. Трансрегионализация и глобализация	25
Глава VII. Глобализация потребителей.....	32
Выводы.....	35
Литература	37

Введение

Характерной особенностью развития мировой экономики после глобального финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. стало замедление экономической глобализации. Это проявилось в стагнации традиционных трансграничных потоков — мировой торговли и финансовых операций. Последние, как известно, в 1980-е гг. были драйвером глобализационных процессов и вызвали качественно новое явление — финансовую глобализацию, стимулировавшую экономическую глобализацию в целом.

Замедление трансграничных потоков различных активов обусловило широкую дискуссию среди экспертов и политиков. Появились исследования с громкими названиями типа «Конец глобализации»¹. Дискуссия о перспективах глобализации достигла апогея на Всемирном экономическом форуме в Давосе в январе 2017 г. С одной стороны, некоторые эксперты утверждали, что глобализация завершается. Так, глава одного из крупнейших в мире хедж-фондов Bridgewater миллиардер Рэй Далио отметил, что, по всей видимости, эпоха глобализации подходит к концу. Эту тенденцию активно сменяют регионализация и национализация².

С другой стороны, было немало оппонентов этой точки зрения. Их лидером стал Президент КНР Си Цзиньпин, который заявил: «Нравится это вам или нет, глобальная экономика — это большой океан, от которого вы не можете убежать. Любая попыт-

-
1. См., например: Credit Suisse Research Institute (2015). *The End of Globalization or a more Multipolar World?* September; Witt M. (2016). *The End of Globalisation?* INSEAD. November (https://knowledge.insead.edu/sites/www.insead.edu/files/styles/w_650/public/styles/panoramic/public/images/2016/11/istock-516195121.jpg?itok=TJnoWci7); Hammes T. (2016). *The End of Globalization? The International Security Implications.* August (<https://warontherocks.com/2016/08/the-end-of-globalization-the-international-security-implications/>); King S. (2017). *Grave New World: The End of Globalization, the Return of History.* New Haven: Yale University Press. May.
 2. Королева А. (2017). Глобализацию поставили на паузу // Expert Online. 19 янв. URL: <http://expert.ru/2017/01/19/globalizatsiya/>.

ка перекрыть поток капитала, технологий, продуктов, отраслей и людей между экономиками и направлять воды океана в изолированные озера и каналы просто невозможно»³.

Дискуссия о перспективах глобализации показывает, что в мире происходят принципиальные перемены. Поэтому автором данного доклада поставлена цель — выяснить, как реально обстоят дела в данной области, насколько оправданы опасения в отношении динамики глобализационных процессов и какое будущее ожидает участников мировой экономики.

3. *Xi Jinping* (2017). Keynote Speech at the World Economic Forum Davos, 17 January. URL: <https://america.cgtn.com/2017/01/17/full-text-of-xi-jinping-keynote-at-the-world-economic-forum>.

Понятие экономической глобализации

Термин «экономическая глобализация» стал широко использоваться в 1980-е гг. для обозначения нового состояния мировой экономики, когда либерализация контроля за капиталом во многих странах стала приводить к быстрому росту трансграничных финансовых потоков, а затем и потоков товаров.

В вышедшем в 2000 г. докладе МВФ «Глобализация: угроза или возможность?» экономической глобализацией называют все возрастающую степень интеграции стран во всем мире, обусловленную, прежде всего, торговыми и финансовыми потоками. Иногда под этим термином подразумевается также движение людей (труда) и знаний (технологий) через международные границы⁴.

А.Д. Некипелов дает объемную характеристику изменений в мировой экономике в конце XX в. Он выделяет ряд характерных черт экономической глобализации, которая стала новой стадией интернационализации. Во-первых, последняя охватила почти весь мир. Во-вторых, целый ряд проблем (ограниченность природных ресурсов, состояние окружающей среды, быстрое приближение численности мирового населения к максимально допустимому, исходя из ресурсов земного шара, пределу) приобрел поистине глобальное значение. В-третьих, с распадом мировой социалистической системы рыночная экономика фактически вновь стала универсальной формой организации хозяйственной жизни. В-четвертых, произошли существенные изменения в самой структуре мирового хозяйства. Наряду с национальными государствами и фирмами — традиционными субъектами международных экономических отношений — на арену глобального экономического взаимодействия решительно вышли мощнейшие транснациональные корпорации, стали быстро усиливаться позиции международных (в том числе

4. IMF (2000). Globalization: Threat or Opportunity? April.

региональных) институтов⁵. Качественно новое состояние мировой экономики обусловило необходимость серьезных корректировок внешнеэкономических стратегий на государственном и корпоративном уровнях, отвечающих новым «правилам игры».

В то же время в научной литературе сформировались две разные позиции по поводу начала экономической глобализации. Одна группа авторов обоснованно придерживается вышеприведенного толкования начала глобализации А.Д. Некипелова, т.е. начала 1980-х гг. (в некоторых работах фигурируют и 1970-е гг.). Иными словами, процесс глобализации можно рассматривать как новую стадию интернационализации экономической жизни, ведущую к принципиально иному качеству взаимосвязи и взаимозависимости национальных экономик. Появились комплексные работы, исследующие глобализацию в экономике, социальной сфере, политике, что также говорит о ее качественных отличиях от процессов интернационализации, происходивших в предыдущие периоды.

Позиция других авторов заключается в том, что глобализация берет начало 200 или даже 300–400 лет назад и обусловлена в первую очередь развитием международных торговых и финансовых связей. Тем самым сторонники этой точки зрения не учитывают специфику процесса интернационализации хозяйственной жизни последних 40 лет по сравнению с очень продолжительным предыдущим периодом. Кроме того, такие подходы к глобализации появились «задним числом», когда сам термин уже прочно закрепился в научной литературе.

Уильям Робинсон критикует, например, подход к глобализации в теории мировых систем Иммануэля Валлерстайна, являющегося одним из авторитетных представителей позиции о долговременной экономической глобализации, начавшейся после крушения феодализма⁶. У. Робинсон считает, что глобальный капитализм, наблюдаемый сегодня, обусловлен новой формой глобализации, которая началась в 1980-х гг. Он утверждает, что экономическая деятельность не только расширяется через национальные границы,

5. Некипелов А.Д. (2001). Глобализация и стратегия развития экономики России. URL: <https://ecfor.ru/wp-content/uploads/2001/fp/4/01.pdf>.

6. См.: Wallerstein I. (2004). *The Uncertainties of Knowledge*. Philadelphia: Temple University Press.

но и происходит ее транснациональная фрагментация⁷. Одним из важных аспектов подхода У. Робинсона к глобализации является то, что производство товаров становится всеобъемлющим. Это означает, что одна пара обуви может быть изготовлена в шести разных странах, каждая из которых вносит свой вклад в часть производственного процесса.

Говоря о метаморфозе экономической глобализации, я имею в виду ту, которая началась в последней четверти прошлого столетия, и качественные трансформации этого процесса, которые стали проявляться в 2010-е гг.

7. *Robinson W.* (2011). Globalization and the sociology of Immanuel Wallerstein: A critical appraisal // *International Sociology*. Vol. 26. No. 6. P 3.

Замедление глобализации и его причины

Согласно исследованию экспертов McKinsey Global Institute, после 20 лет быстрого роста международной торговли товарами и услугами, а также трансграничного оборота различных финансовых активов в посткризисный период намечилось снижение их отношения к мировому ВВП (рис. 1).

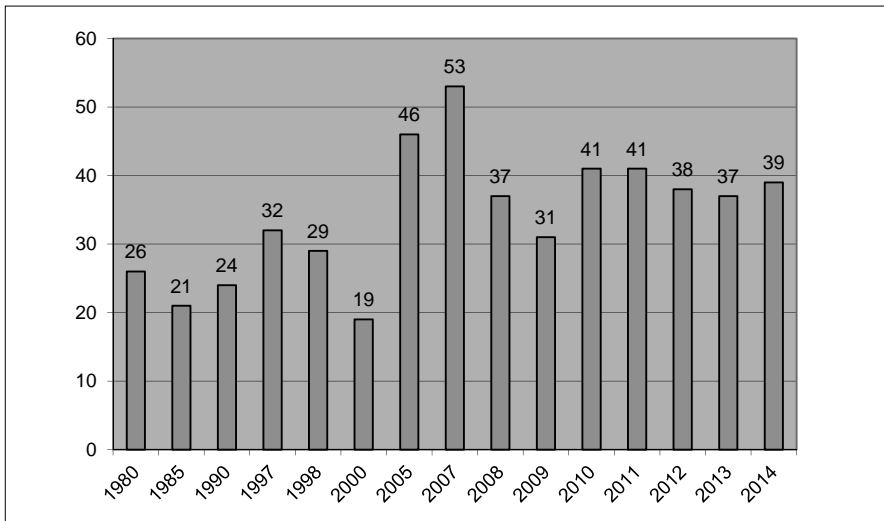

Рис. 1. Соотношение трансграничных потоков товаров, услуг, финансовых активов и ВВП (%)

Источник: MGI (2016) Digital globalization: The new era of global flow. McKinsey Global Institute. March. P. 6.

Международная торговля росла более медленными темпами, чем глобальный ВВП и в 2015–2016 гг. (см. табл. 1), хотя в перспективе прогнозируется ее некоторое ускорение.

Существенное снижение наблюдалось в динамике трансграничных потоков капитала, включая кредиты, покупку акций, облигаций и прямые иностранные инвестиции, которые сократились

на 65% – с 12,4 трлн долл. до 4,3 трлн долл. Половина этого снижения пришлось на резкое сокращение трансграничного кредитования и других банковских операций⁸.

Таблица 1. Динамика некоторых макроэкономических показателей глобальной экономики (%)

Показатели	1999–2008, в среднем	2014	2015	2016	2017*	2018*	2019*–2022*, в среднем
ВВП	4,2	3,6	3,4	3,2	3,6	3,7	3,5
Внешняя торговля товарами и услугами	6,6	3,8	2,8	2,4	4,2	4,0	3,9
Внешняя торговля товарами	6,7	3,1	2,3	2,3	4,3	4,1	...

* прогноз

Источник: IMF (2017). World Economic Outlook. Seeking Sustainable Growth Short-Term Recovery, Long-Term Challenges. Washington, DC, October. Pp. 242, 255, 268–269.

Можно выделить две основные причины, позволившие сделать вывод о закате глобализации. Во-первых, это усиление протекционизма в мировой торговле и инвестициях, которое уже начали называть «экономический национализм».

Во-вторых, значительно активизировались процессы регионализации и, особенно в посткризисный период, трансрегионализации. Они приводят к формированию экономических союзов, в рамках которых снимаются практически все тарифные и нетарифные барьеры для свободного движения товаров, услуг и инвестиций, что создает определенные препятствия для не членов, т.е. для развития соответствующих глобальных потоков активов.

Рассмотрим каждую из этих причин отдельно.

8. MGI (2017). The new dynamics of financial globalization. McKinsey Global Institute. August. P.1.

Экономический национализм

Анализ торговой политики стран G20 с ноября 2008 г. по 2016 г., проведенный Global Trade Alert, показал, что ими было использовано 4707 протекционистских практик, в то время как число либерализационных мер составило 1660, т.е. было в 3 раза меньше. При этом протекционистские меры значительно усилились в 2014–2016 гг., хотя саммиты G20 на высшем уровне призывали к прямо противоположным действиям. Особенно наглядно это проявилось в торговой политике США, которые взяли курс на борьбу с «несправедливыми» торговыми практиками (см. рис. 2).

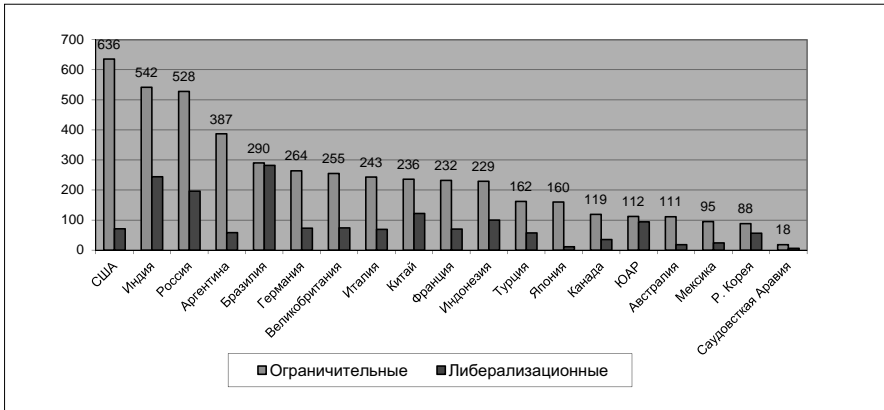

Рис. 2. Количество регуляторных мер в торговле, принятых странами G20 с ноября 2008 г. до 1 мая 2016 г.

Источник: Evenett S., Fritz J. (2016). Global Trade Plateaus: The 19th Global Trade Alert Report. London: CEPR Press. Pp. 46–119.

По данным ВТО, с середины октября 2016 г. по середину мая 2017 г. были введены 42 новые меры, оказывающие негативное воздействие на торговлю. Более половины новых мер, ограничивающих импорт товаров, приходится на увеличение таможенных пошлин, за которыми следуют ужесточение требований в отношении

таможенного администрирования. Среди них также называют количественные ограничения, препятствующие экспорту продукции, и требования по использованию товаров местного производства. На страны G20 приходится 71% от всех выявленных защитных торговых мер⁹.

Среди таких ограничительных мер особое место занимают технические барьеры в торговле: технические регламенты, добровольные стандарты, критерии оценки соответствия. Эти меры, выполнение которых является часто сложным, особенно для малых и средних компаний, а также развивающихся государств, активно используются для защиты национальных рынков даже в условиях либерализации международной торговли и снижения таможенных пошлин. По оценкам экспертов, около 96% мировой торговли подвержено влиянию как минимум одного нетарифного регулирования. Экспортеры из 48 наименее развитых стран ежегодно теряют 23 млрд долл., или 15% их экспорта, поскольку они не могут найти информацию или выполнить требования нетарифных мер¹⁰.

Определенное усиление протекционизма наблюдалось в посткризисный период и в области иностранных инвестиций (см. рис. 3).

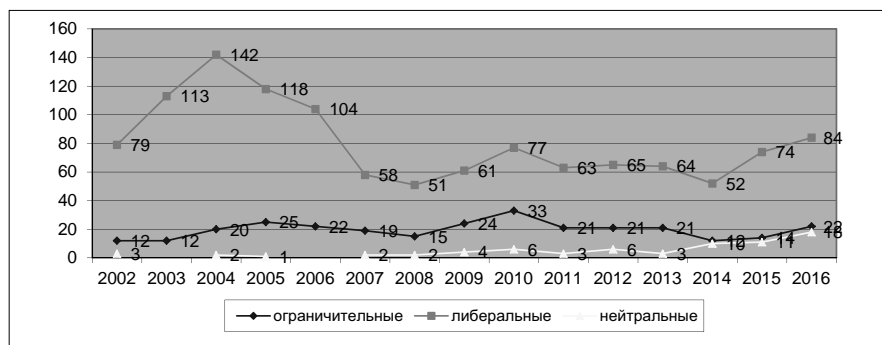

Рис. 3. Изменения в национальной политике по регулированию иностранных инвестиций (число мер)

Источник: UNCTAD (2017). World Investment report 2017. Investment and the Digital Economy. P. 99.

9. Report on G20 Trade Measures (Mid-October 2016 to Mid-May 2017). WTO Monitoring Report (2017). 30 June. P.6.

10. МОСТЫ (2017). Технические барьеры в торговле — законная защита или протекционизм? Vol. 10. No. 6.

В 2009–2013 гг. было принято 120 ограничительных мер, что составляет 41% от их итога в 2002–2016 гг. В последние годы наметилось некоторое ускорение либерализации инвестиционной политики, которое выразилось в увеличении не только либеральных, но и нейтральных мер.

Обострение геополитической обстановки в мире привело к появлению новых барьеров в международных экономических связях, которые негативно отражаются на их развитии. Это, прежде всего, экономические санкции, часто имеющие взаимный характер. Так, по оценкам экспертов ООН, от введения санкций против России экономика ЕС ежемесячно теряет 3,2 млрд долл., или около 100 млрд долл. в 2014–2016 гг., в то время как аналогичный ущерб для экономики РФ за этот период оценивается в 55 млрд долл.¹¹

В результате в посткризисный период в некоторых крупных странах проявились тенденции усиления антиимпортной политики, большей ориентации на внутренний спрос, в том числе с целью модернизации экономики (см. рис. 4). Наиболее ярко это проявилось в лозунге «Сделаем Америку снова великой» («Make America Great Again»), в программах Made in China, Made in India, программе импортозамещения в России.

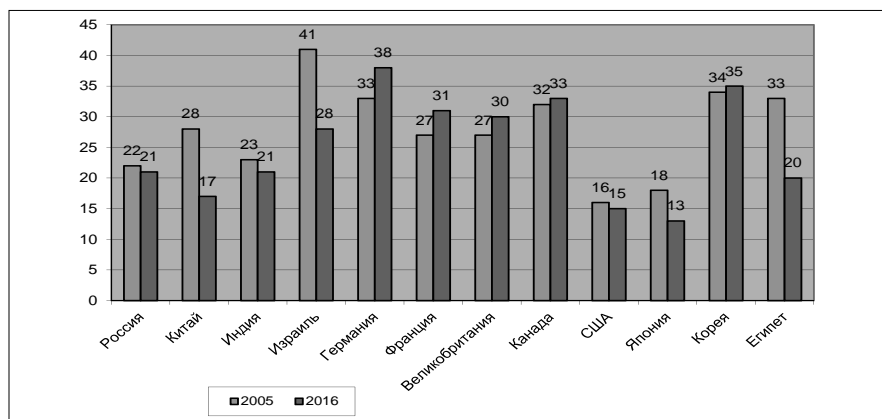

Рис. 4. Соотношение импорта товаров и услуг и ВВП в отдельных странах (%)

Источник: Всемирный банк (2017). База данных (www.worldbank.org).

11. Башкатова А. (2017). ЕС страдает из-за антироссийских санкций больше, чем РФ // Независимая газета. 14 сент.

В то же время, очевидно, что неблагоприятный период для динамики торговых и инвестиционных потоков заканчивается. Уже в 2017 г. наблюдалось ускорение их роста, которое продолжится в среднесрочной перспективе. Но эта динамика все больше будет определяться ростом новых потоков, прежде всего связанных с развитием новых технологий 4-й промышленной революции. Как отмечают эксперты McKinsey Global Institute, экспорт телекоммуникационного оборудования, компьютерной техники и информационных услуг в 2011–2015 гг. вырос на 40% и составил 467 млрд долл., торговля товарами и услугами, связанными с информационно-коммуникационными технологиями, в 2015 г. составила около 2 трлн долл.¹²

12. UNCTAD (2017). Digitalization, Trade and Development. Information Economy Report. P. 15.

Новые технологии и глобализация

Новые технологии начинают постепенно менять подходы к оценке роли национальных границ в экономическом развитии. В первую очередь это касается так называемой цифровой экономики, которая кардинально меняет способ производства и трансграничные рынки товаров и услуг для бизнеса, увеличивает его производительность и повышает конкурентоспособность. По некоторым оценкам, внедрение цифровых технологий в обрабатывающей промышленности увеличит выпуск на одного работника на 30% и снизит затраты на рабочую силу на 30% в среднесрочной перспективе в таких странах, как Южная Корея, Германия, США и Китай¹³.

Технологические новации революционизируют представление об эффективном производстве. Современные инструменты моделирования могут создавать «цифровые двойники» физических продуктов и производственных процессов, они обеспечивают проверку моделей изделий и использование виртуальных симуляций, прежде чем будет налажен реальный производственный процесс. Например, в авиастроении создание платформы быстрого моделирования может сократить время проектирования и проектной доработки на 20 %. Интернет позволяет передавать данные в реальном времени в аналитические системы, которые могут дистанционно наладить оборудование для минимизации дефектов, сокращения простоев и производственных отходов. Современные роботы могут справляться с опасными задачами и минимизировать риски аварий, трехмерная печать способна создавать сложные, многокомпонентные детали и конечный товар, а новые компьютерные приложения оптимизируют кооперационные и сбытовые

13. *Bhattacharya A., Bürkner H-P., Bijapurkar A.* (2016). What You Need to Know about Globalization's Radical New Phase (<https://www.bcgperspectives.com/content/articles/>).

цепочки. По оценке экспертов McKinsey Global Institute, использование таких технологий может повысить реальную добавленную стоимость в обрабатывающей промышленности США более чем на 500 млрд долл. в год¹⁴.

В 2016 г. размер цифровой экономики в мире составил 17,1 трлн долл., или 22,8% от глобального ВВП. К 2021 г. эти показатели вырастут до 21,2 трлн долл. и 24,7% соответственно (см. рис. 5).

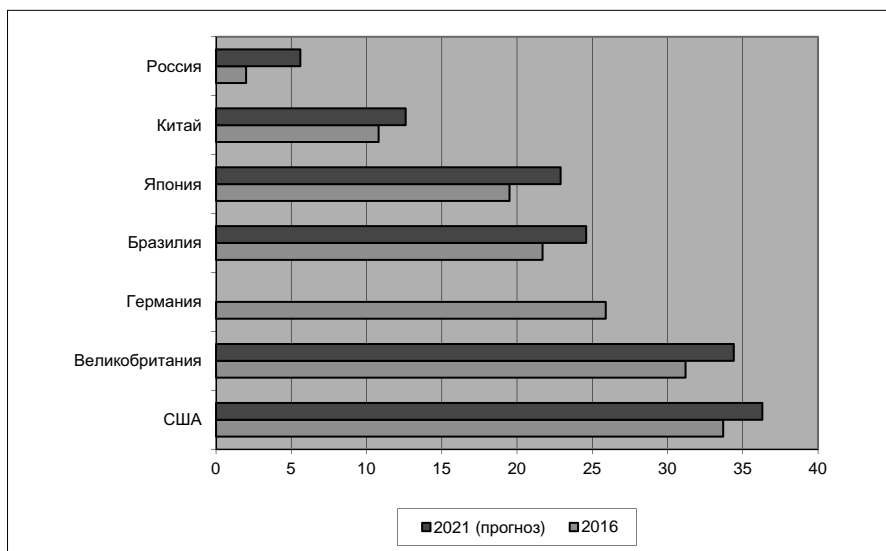

Рис. 5. Масштабы цифровой экономики (% от ВВП)

Источник: Accenture (2017) Digital Disruption: The Growth Multiplier. URL: <https://www.accenture.com/us-en/insight-digital-disruption-growth-multiplier>.

Цифровизация создает специфические цепочки поставок во всех секторах глобальной экономики, которые с минимальными издержками преодолевают трансграничные барьеры. В современных условиях мультинациональные компании (МНК) могут осуществлять продажи без существенных зарубежных инвестиций.

Например, в конце 2015 г. число активных пользователей цифровых платформ Facebook, YouTube, WhatsApp, WeChat в месяц превышало 500 млн чел. (см. рис. 6).

14. См.: MGI (2017). Making it in America: Revitalizing US manufacturing . McKinsey Global Institute. November. P. 8,10.

В настоящее время по каналам Интернета осуществляется до 12% международной торговли товарами и около 50% — услугами. На платформе Facebook размещали информацию 50 млн мелких и средних предприятий (в 2013 г. 25 млн, т.е. прирост за 2 года составил 100%), при этом 30% их потенциальных потребителей находятся за рубежом¹⁵.

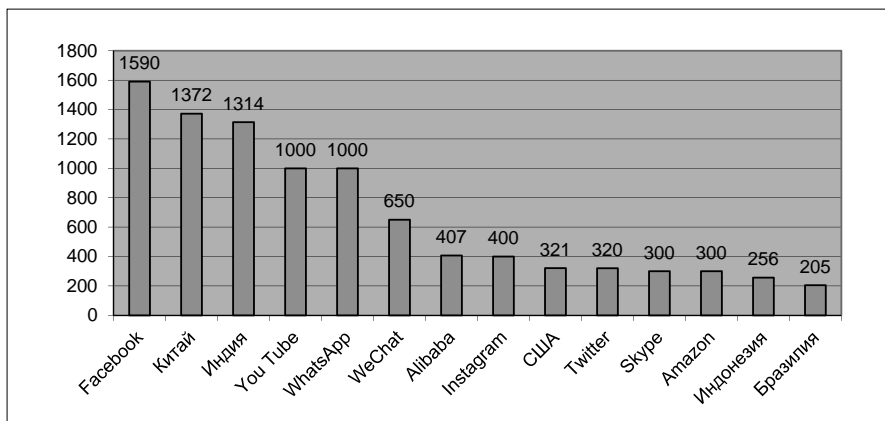

Рис. 6. Количество пользователей крупнейших on-line платформ и численность населения некоторых государств (млн чел.)

Источник: MGI (2016). Digital globalization: The new era of global flow. McKinsey Global Institute. March. P. 6.

Как заявил президент Alibaba Group Майкл Эванс, в ближайшие 50–60 лет возникнет 60 млн предприятий малого и среднего бизнеса, которые будут работать через Интернет, и лидирующее место в мировой торговле перейдет к ним. По его словам, на смену этикеткам «Сделано в Китае» (России, Индии или США) придет этикетка «Сделано в Интернете»¹⁶.

Другие новые технологии также меняют представление об оптимальном размещении производства, что скажется на объемах, структуре и направлениях торговли и инвестиций. Например, масштабная и разносторонняя роботизация снижает цену такого фактора, как дешевизна трудовых ресурсов. С этим уже отчасти

15. MGI (2016). Digital globalization: The new era of global flow. McKinsey Global Institute. March. P. 7.

16. Гатинский А. (2017). Глава Alibaba Group предсказал появление этикеток «Сделано в Интернете» // РБК-дейли. 17 окт. URL: <http://www.rbc.ru/business/19/10/2017/59e8d1449a7947019b6fe82c?from=main><http://www.rbc.ru/business/19/10/2017/59e8d1449a7947019b6fe82c?from=main>

связан перевод некоторых зарубежных производств МНК в материнскую юрисдикцию.

Adidas, например, планирует перевести часть своих мощностей из Китая обратно в Германию, где не было массового производства его обуви последние 20 лет. Достижения в области робототехники и 3D-принтеры делают это экономически эффективным. В среднесрочной перспективе Adidas планирует использовать новые технологии для создания заводов в США, Великобритании или Франции, обеспечивая таким образом более быструю доставку продукции клиентам¹⁷.

Эксперты BCG считают, что быстрый прогресс технологий производства повысит конкурентоспособность США. Автономные роботы, машины для производства присадок, инструменты для цифрового моделирования и другие интеллектуальные системы, обеспечивающие масштабную обработку данных, способны значительно повысить производительность. Поскольку расходы на эти передовые производственные системы продолжают снижаться, для отечественных производителей всех размеров становится все более целесообразным изготавливать небольшие партии индивидуальных товаров. Например, согласно анализу данных, собранных для расчета индекса конкурентоспособности BCG Global Manufacturing Cost, превосходство Китая по сравнению с США по уровню затрат на производство сократилось с 14% в 2004 г. до 1% в 2016 г. Если учитывать косвенные затраты на доставку, инвентаризацию и другие расходы, дешевле производить самые разнообразные товары в США, если именно там они будут потребляться¹⁸. А внедрение новых технологий, определяющих 4-ю промышленную революцию, в США, обладающих мощным научно-технологическим и производственным потенциалом, будет происходить быстрее и потребует относительно меньших затрат.

Как отмечает в своей книге Ф. Ливерси, доступность новых технологий, таких как 3D-печать и автоматизация, означает, что

-
17. The Economist (2017). Adidas's high-tech factory brings production back to Germany. January 14. URL: <https://www.economist.com/news/business/21714394-making-trainers-robots-and-3d-printers-adidass-high-tech-factory-brings-production-back>).
 18. Sirkin H., Rose J., Choraria R. (2017). Honing US Manufacturing's Competitive Edge. 11 January. URL: <https://www.bcgperspectives.com/content/articles/lean-manufacturing-operations-honing-us-manufacturings-competitive-edge/>).

компании — от General Electric до Apple — начинают возвращать производство из отдаленных стран. Если роботы могут сделать все, для чего компании будут использовать китайских рабочих? Сила смещается, торговля сжимается, и что-то революционизирует¹⁹.

В опубликованном в январе 2018 г. докладе экспертов ВЭФ «Готовность к будущему производству» отмечается, что внедрение новых технологий изменит соотношение затраты—выгоды и, в конечном счете, оценку привлекательности местоположения, т.е. фактически сложившихся цепочек добавленной стоимости. Когда затраты в новой цепочке будут определены, у стран появится выбор — или получить позицию в цепочке, или потерять долю. Например, страны, которые занимались аутсорсингом в течение нескольких последних десятилетий, теперь должны быть готовы прекратить деятельность, которую целесообразно развивать ближе к потребительской базе. Если страны не смогут создавать уникальные возможности, которые сделают их привлекательными для участия в новых цепочках добавленной стоимости, они могут быстро потерять свои старые позиции²⁰. Фактически речь идет о переоценке фактора эффекта масштабов производства и его влиянии на развитие отдельных отраслей мировой экономики.

Таким образом, можно сделать ряд выводов. Первый — все больше продуктов будет производиться на местном уровне, что несомненно скажется на международной торговле промышленными товарами. Второй — может также измениться позиция отдельных стран в так называемых глобальных цепочках создания добавленной стоимости в области производства и возрастет роль обмена высокотехнологичными услугами, прежде всего в области программного обеспечения для новых средств производства. Третий — так называемые «догоняющие страны» получат новый шанс для улучшения своих позиций в международном разделении труда, упустить который будет непростительной ошибкой.

В этом же направлении действует внедрение аддитивных технологий, прежде всего связанных с 3D-принтерами, которые позволяют существенно сократить транспортные издержки и локали-

19. *Liversey F.* (2017). *From Global to Local: The making of things and the end of globalisation*. London: Pantheon Books. 19 September.

20. *WEF* (2018). *The Readiness for the Future of Production Report 2018*. Insight Report. January 11. P. IX.

зовать разнообразные производства странам с небольшими рынками сбыта. Как отмечают эксперты Boston Consulting, вы можете поставить 3D-принтер, сменить программное обеспечение и производить всевозможные вещи ограниченными сериями, а не сотни миллионов позиций²¹.

Первоначально 3D-принтеры использовались для производства некоторых сложных деталей, так как подготовка к печати занимала определенное время. Однако с появлением новых высокопроизводительных принтеров (например, Carbon3D) скорость печати значительно возросла. Ассортимент производства 3D-принтеров постоянно расширяется – от медицинских устройств и деталей автомобилей и самолетов до целых зданий.

Так, американская компания Direct Digital Manufacturing (DDM), ориентирована на предоставление быстрой 3D-печати любого дизайна заказчика. 3D-принтеры DDM могут быть использованы для выпуска одноразовых деталей или массового производства. Компания также предлагает услуги 3D-печати в более 100 магазинах в США²².

Согласно опросу Price Waterhouse Cooper более 100 промышленных компаний, примерно две трети из них уже применяют 3D-печать, а 56 % из них ожидают, что она будет использоваться для производства большого объема продукции в течение следующих трех–пяти лет²³.

Саудовская Аравия взяла в лизинг у китайской компании-производителя Shanghai WinSun Decoration Design Engineering Co. 100 3D-принтеров с планами напечатать 1,5 млн домов. Китайский 3D-принтер WinSun для строительства – это солидное сооружение: 150 метров длиной, 10 метров шириной и более 6 метров высотой. Он всего за несколько часов может «создать» здание высотой до 6 метров. Для печати зданий принтер WinSun использует смесь из строительных отходов, включающих стекло, сталь и цемент. Себестоимость строительства с помощью WinSun примерно

21. Sirkin H., Rose J., Choraria R. Op.cit.

22. Hammes T.X. (2016). The End of Globalization? The International Security Implications. 2 August (<https://warontherocks.com/2016/08/the-end-of-globalization-the-international-security-implications/>).

23. PWC (2016). 3D Printing comes of age in US industrial manufacturing (<https://www.pwc.com/us/en/industries/industrial-products/library/3d-printing-comes-of-age.html>).

на 50% ниже, чем при использовании классических методов, экономия материала достигает 60%, экономия трудозатрат – 80%²⁴.

Существенные изменения в международной торговле вызовет развитие возобновляемой энергетики, которая приведет к сокращению межгосударственных потоков нефти и газа. Возобновляемые источники энергии станут самыми дешевыми технологиями генерации во многих странах, а их доля в глобальном производстве электроэнергии, по прогнозам Международного энергетического агентства, вырастет к 2040 г. не менее чем до 40%. В ЕС они станут основным средством производства электроэнергии уже с начала 2030-х гг.

Постепенно будет увеличиваться и доля возобновляемых источников энергии для обеспечения тепла: с 9% в конечном потреблении энергии в 2016 г. до 16% в 2040 г. При этом в Бразилии аналогичные показатели возрастут с 39% до 45%²⁵.

Использование новых видов энергии и материалов, конкурирующих с традиционными технологиями, повлияют на характер и масштабы трансграничных потоков и глобализационных процессов в целом. Конечно, эти процессы находятся в начальной стадии, и пока можно говорить только о долгосрочных перспективах такого сценария.

24. Бойко А. (2017). Топ-6 строительных принтеров для 3D-печати домов. URL: <http://robotrends.ru/pub/1718/top-6-stroitelnyh-printerov-dlya-3d-pechati-domov>.

25. World Energy Outlook 2017. (2017). International Energy Agency. November. URL: <http://www.iea.org/weo2017/>.

Новые стратегии бизнеса

В настоящее время распространяются новые стратегии организации транснационального бизнеса, которые позволяют ему без существенных инвестиций получать крупные доходы. Во многом они базируются на цифровых технологиях, а также, отчасти, на принципах франчайзинга.

Так, менее чем за 10 лет американская компания AirBnB без прямых капиталовложений в недвижимость организовала сеть размещения туристов, которая работает в 190 странах и предлагает для аренды больше гостевых мест, чем любая из крупнейших в мире сетей отелей. Ее доходы достигают 2 млрд долл. ежегодно. Другая – Fitbit, производитель мобильных устройств с мобильным приложением для мониторинга работоспособности, осуществляет продажи в более чем 65 странах. Fitbit использует цифровую платформу для доступа к активным глобальным пользователям, заботящимся о своем здоровье. Она настроила свое приложение для смартфонов на несколько языков, одновременно создав сеть поддержки клиентов по всему миру. За 10 лет Fitbit, производящая потребительскую электронику и носимые устройства для фитнеса и здоровья (умные браслеты, часы, весы и т.п.), увеличила свои доходы с примерно 5 млн долл. до 2,17 млрд долл., хотя в компании работает менее 2000 сотрудников. Крупнейшая в мире компания по автомобильным пассажирским перевозкам Uber создала свою сеть в 77 странах и получила более 6 млрд долл. дохода²⁶. К ним можно добавить упоминавшиеся выше компании – Alibaba – крупнейшего ретейлера, у которого нет товарных запасов, Facebook – крупнейшую медийную площадку, которая не создает контент, и многих других их последователей. Общее в стратегиях экспансии таких компаний на

26. *Bhattacharya A., Khanna D., Augustinraj R.* (2017). Shaping your own growth in the new global era. URL: <https://www.bcg.com/publications/2017/new-globalization-shaping-your-own-growth-new-global-era.aspx>.

внешние рынки состоит в ликвидации посреднических структур в отношениях между производителями и потребителями услуги, создании специальных технологических платформ, которые регулируют их взаимодействие. Такая стратегия символизирует новый тип экономики – «экономика по требованию».

Очень показателен пример компании Uber Technologies Inc., которая вышла на рынок в 2010 г., а впервые проникла за рубеж в 2012 г. Бизнес компании основан на использовании специально разработанного софта – мобильного приложения, позволяющего отслеживать подъезжающее такси, быстро связываться с водителем, оплачивать поездки не только наличными, но и банковской картой. Для своей экспансии Uber использует детально отработанную стратегию: запускающая команда из трех местных сотрудников изучает рынок, особенности правового регулирования, спрос, определяя, сколько раз приложение открывали в этом городе, и нанимает водителей. Uber работает только со «свободными агентами», забирая 20% оплаты поездок, при этом все остальные расходы, включая оплату бензина и страховки, несли сами водители. Компания не предъявляет жестких требований к наемным таксистам, которые только должны иметь автомобиль в надлежащем состоянии, и позволяет работать на Uber для получения дополнительного заработка²⁷. Изучив особенности и потенциал местного рынка, компания предлагает новые услуги, создавая при этом новые подразделения: UberAUTO в Нью-Дели (авторикши), UberBOATS в Стамбуле (для морских прогулочных перевозок), UberCHOPPER в Дубае, Шанхае, Амстердаме (для вертолетных перевозок) и т. п.

В отличие от других МНК, у которых соотношение зарубежных активов и зарубежной выручки в среднем сбалансировано, работающие в сфере высоких технологий получают за рубежом 73% выручки, имея за пределами стран базирования лишь 41% всех активов (см. табл. 2). Как отмечают эксперты ЮНКТАД, чем активнее МНК строят свои производственные процессы на базе Интернета, тем больше разрыв между зарубежными доходами и

27. Manangi S. (2017). Uber's global expansion strategy - "Think local to expand global" – will it work for startups? 1 August. URL: <https://www.linkedin.com/pulse/ubers-global-expansion-strategy-think-local-expand-work-manangi>; Сухаревская А. (2015). Сервис, который меняет все: как Uber разрушает старую экономику // РБК-Дейли. 28 дек.

материальными активами. Доля зарубежных продаж крупнейших интернет-платформ примерно в 2,5 раза превышает долю их зарубежных активов²⁸.

Таблица 2. Зарубежные активы и продажи 100 крупнейших МНК в мире в 2015 г. (по видам, %)

Показатели	Высокотехнологичные МНК	МНК-телекомы	Другие МНК
Зарубежные активы	41	66	65
Зарубежные продажи	73	57	64

Источник: UNCTAD (2017). World Investment report 2017. Investment and the Digital Economy. P. 170.

Как известно, стратегии МНК для увеличения прибыли базируются на двух ключевых приоритетах – использование возможностей глобальной интеграции за счет эффекта масштаба своей деятельности и необходимость адаптировать продукцию для местных рынков. На эти стратегии влияют как рыночные силы, так и государственная политика, в том числе инвестиционный климат в принимающей стране²⁹. Новые стратегии МНК, о которых говорилось выше, отличаются большой гибкостью, что позволяет смягчить влияние национального инвестиционного климата на их деятельность. Они стремятся минимизировать затраты на инфраструктуру, предложить конкурентоспособные условия труда для местных работников, наладить взаимовыгодное сотрудничество с одной из крупных местных структур. Новым трендом становится создание небольших недорогих предприятий, размещенных в большем количестве стран, так как эффекты от масштабов производства и дешевой рабочей силы нейтрализуются общей стоимостью поставки товаров потребителю по всему миру.

28. UNCTAD (2017) World Investment report 2017. Investment and the Digital Economy. P. 170.

29. Eden L. (2016) Multinationals and Foreign Investment Policies in a Digital World // E15 Initiative, International Centre for Trade and Sustainable Development and World Economic Forum. Geneva. P.2.

Трансрегионализация и глобализация

В 2000-е и 2010-е гг. наблюдалось ускорение процессов регионализации. Это выразилось в увеличении числа региональных торговых соглашений. На декабрь 2017 г. было зарегистрировано 669 региональных торговых соглашений (РТС). Правда, в силу вступили только 455, из которых 251 относится к соглашениям о свободной торговле (55%), 144 – об экономической интеграции, 30 – о таможенных союзах. Из 455 соглашений к 1948–2000 гг. относятся 94, к 2001–2008 гг. – 158 и к 2009–2017 гг. – 203 (45% всех РТС)³⁰.

Новой тенденцией стало формирование крупных экономических мегартнерств, в рамках которых объединяются государства, расположенные на разных континентах, т.е. имеющих трансрегиональный характер. Ряд таких соглашений уже был подписан: 12 странами (Австралия, Бруней, Вьетнам, Канада, Малайзия, Мексика, Новая Зеландия, Перу, Сингапур, США, Чили, Япония) – Соглашение о Транстихоокеанском партнерстве (ТТП), и ЕС и Канадой – Всеобъемлющее экономическое и торговое соглашение (СЕТА). Если последнее уже вступило в законную силу, то выход из ТТП самого крупного участника – США, сделал невозможным такое развитие событий для него. В то же время остальные 11 участников ТТП заявляют о своем желании сохранить многие наработки этого объемного соглашения и переименовали его на министерской встрече в ноябре 2017 г. во время саммита АТЭС во Вьетнаме на «Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение для Транстихоокеанского партнерства» (Comprehensive and Progressive Agreement for Trans-Pacific Partnership – СРТТП). Комментируя это решение, министр экономики, торговли и промышленности Японии Тосимицу Мотэги заявил, что создание ТТП-11 приведет

30. WTO (2017). База данных WTO. URL: www.wto.org.

к воссозданию ТТП-12 и даже расширению соглашения³¹. На мой взгляд, возможны различные варианты восстановления этого соглашения, включая возвращение «блудного сына» – США³².

СЕТА стало новым форматом сотрудничества Евросоюза с третьими странами в форме соглашений о глубокой и всесторонней ЗСТ (Deep and Comprehensive Free Trade Area), которые характеризуют новые экономические мегартнерства. В декабре 2015 г. ЕС было подписано соглашение о ЗСТ с Вьетнамом, а в декабре 2017 г. с Японией успешно завершили переговоры о создании общей ЗСТ.

В стадии завершения находятся переговоры по Региональному всеобъемлющему экономическому партнерству (РВЭП) между 10 странами АСЕАН и Китаем, Японией, Индией, Республикой Кореей, Австралией и Новой Зеландией. Возобновились переговоры ЕС и США по Трансатлантическому торговому и инвестиционному партнерству (ТАТИП), которое может стать крупнейшим экономическим мегартнерством. При этом подписание СЕТА повышает вероятность заключения подобного соглашения, которое, помимо экономического, имеет огромное геополитическое значение.

Существует и ряд других трансрегиональных альянсов, которые уже работают или о формировании которых было заявлено. Среди них можно отметить: соглашение о ЗСТ США – Индия; Евразийский экономический союз (ЕАЭС); ЗСТ СНГ; Тихоокеанское соглашение о тесных экономических отношениях (PACER Plus – Австралия, Новая Зеландия, Форум островов Тихого океана); ЗСТ США – Марокко (DCFTA); Общий рынок Восточной и Южной Африки (COMESA) и ряд других. Кроме упомянутых выше соглашений ЕС с Канадой, Вьетнамом и Японией таковые готовятся с SADC, странами Меркосур (Аргентиной, Бразилией, Парагваем и Уругваем), Китаем, Мексикой, Колумбией, Перу, Ганой, Грузией, Молдавией, Украиной, со странами Средиземноморской арабской ЗСТ (Египтом, Иорданией, Марокко и Тунисом)³³.

-
31. Паниев Ю. (2017). Транстихоокеанское партнерство возродят без США // Независимая газета. 13 нояб.
 32. Хейфец Б.А. (2017). Политика «открытых дверей» и экономической интеграции – ответ Вьетнама на вызовы глобальной экономики XXI века // Общество и экономика. №12.
 33. WTO (2017). Recent Developments in Regional Trade Agreements (January-June 2017). URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/region_e/rtajan-june17_e.pdf.

Развитие подобного межгосударственного взаимодействия свидетельствует о возникновении нового явления в мировой экономике — трансрегионализма, приоритетом которого, в отличие от традиционного регионализма, является не территориальная близость и наличие общих границ, а согласованность экономических интересов государств-членов³⁴. Именно согласованные экономические интересы и соответствующие межгосударственные договоренности определяют эффективность такого взаимодействия, тогда как экономическая роль географического соседства в условиях развития новых видов транспортных сетей и других коммуникаций отходит на второй план.

Крупные трансрегиональные мегартнерства охватывают значительную часть мировой экономики, мировой торговли и инвестиций³⁵, устанавливая особый преференциальный режим для своих участников. Например, в ТТП, СЕТА, РВЭП поэтапно предусматривается ликвидация 90–99% всех импортных пошлин и нетарифных барьеров, существенно либерализуется межгосударственная торговля услугами. Одновременно ужесточаются правила происхождения продукции, защиты интеллектуальной собственности, охраны окружающей среды и т.п. Все это означает создание особо благоприятных условий для ускоренного развития экономических связей участников мегартнерств и ухудшение таких условий для стран — не членов, т.е. серьезное переформатирование глобальной экономики, которое может оказать негативное влияние на процесс глобализации.

Данный вывод отчасти подтверждают новые расчеты, сделанные экспертами Института международной экономики Петерсона в 2017 г. Они показали, что в 2015–2030 гг. ВВП участников ТТП в старой конфигурации (12 стран) вырос бы на 492 млрд долл., а без США в ТТП 11 он должен прибавить только 147 млрд долл. При этом ВВП остальных государств мира уменьшится на 10 млрд долл., а экспорт на 22 млрд. Кроме того, если ТТП расширится, т.е.

34. См. подробнее: Хейфец Б.А. (2016) Трансрегионализация глобального экономического пространства // Общество и экономика. № 6.

35. С учетом вхождения в разные союзы одних и тем же стран удельный вес некоторых мегартнерств в мировом ВВП составляет 30–45%, в мировом экспорте товаров и услуг — 25–45%, в накопленных ПИИ — 20–40%.

к старым 11 участникам присоединятся 5 новых членов – Индонезия, Республика Корея, Филиппины, Тайвань и Таиланд, то их суммарный ВВП возрастет на 449 млрд долл., т.е. практически будет компенсировано отсутствие США. Но в этом случае еще больше возрастут потери для государств глобальной экономики, не вошедших в данное партнерство (37 млрд долл. по ВВП и 70 млрд долл. по экспорту).

Как правило, чем больше экономическое партнерство, тем больший эффект оно дает его участникам. ВВП у РВЭП (16 стран) прибавит за 2015–2030 гг. существенно меньше, чем ТТП16 – 286 млрд долл. Возможное двустороннее соглашение о ЗСТ Япония – США даст только 120 млрд долл. Похожие тенденции наблюдаются и в динамике прироста экспорта (см. табл. 3).

Таблица 3. Прирост ВВП и экспорта в 2015–2030 гг. в отдельных трансрегиональных альянсах и мире в целом (млрд долл.)

Показатели	ТТП12	ТТП11	ТТП16	ЗСТ	
				Япония –США	РВЭП
ВВП в целом	492	147	449	120	285
В том числе:					
ВВП членов	465	157	486	111	201
ВВП не членов	27	-10	-37	9	84
Экспорт в целом	1106	286	1032	278	677
В том числе:					
экспорт членов	1025	308	1102	266	546
экспорт не членов	81	-22	-70	12	131

Источник: Petri P., Plumer M., Urata S., Zhai F. (2017). Going it Alone in the Asia-Pacific: Regional Trade Agreements Without the United States. October. PIIE Working Paper 17-10. Pp. 15–18.

В отличие от скептиков я считаю, что трансрегионализация глобальной экономики в среднесрочной и долгосрочной перспективах не поворачивает вспять процессы глобализации, имеющие фундаментальный характер, а будет способствовать их ускорению. Для обоснования этого тезиса существует немало аргументов.

1. Большинство мегапроектов носит «перекрестный» характер за счет участия в них одних и тех же государств. Например, 7 стран одновременно участвовали в переговорах о ТТП и РВЭП. В недавнем прошлом членство в одних региональных альянсах фактически исключало участие в других. Однако в 2000-е гг. отчетливо

проявилась тенденция к расширению границ сложившихся альянсов — как за счет приема новых членов, так и заключения двусторонних и многосторонних соглашений об ассоциации, в которые включались и страны, входившие в другие региональные союзы.

2. Новые члены будут стремиться к присоединению к мегапартнерствам, что будет вести к их расширению. При этом трансрегионализация усиливает конкуренцию между новыми и старыми региональными формированиями. Провозглашаемый формально открытый характер новых экономических мегапартнерств предоставляет хорошие возможности эффективного использования глобализации.

3. Наличие трансрегиональных партнерств не исключает возможность заключения преференциальных торговых и инвестиционных соглашений между странами, являющимися участниками разных мегапартнерств или других региональных альянсов. Например, Китай готовит комплексные инвестиционные соглашения с Евросоюзом и США. В перспективе они могут быть дополнены преференциальными торговыми соглашениями, что будет способствовать развитию глобализации в целом.

4. Трансрегионализация объективно вызывает изменения в регуляторной практике государств, не вошедших в эти альянсы. Это коснется ликвидации или ослабления протекционистских барьеров, введения новых, более либеральных правил международной торговли и инвестиций, уменьшения налогового и административного давления на бизнес, сближению технических стандартов и т.п. Данный процесс обострит конкуренцию юрисдикций, усилит стремление стран улучшить свой инвестиционный климат, а также будет стимулировать развитие экспорта товаров и услуг, приобретение недвижимости иностранными гражданами, привлечение высококвалифицированных специалистов из-за рубежа и т.п. Все это будет способствовать развитию глобализационных процессов.

5. МНК, главенствующая роль которых в мировой экономике остается незыблемой, будут продолжать стимулировать глобализацию. Например, несмотря на то, что Китай не стал участником ТТП и на попытку новой администрации США вписать в «ограничительные» рамки взаимные экономические связи, американские МНК заинтересованы в емком китайском рынке. Для ведения же

бизнеса в Китае требуется создание совместных предприятий в автомобилестроении, финансовой деятельности, телекоммуникациях и некоторых других отраслях. Даже если они официально не требуются по закону, часто необходимы совместные предприятия, чтобы помочь иностранным компаниям ориентироваться в сложной китайской деловой среде. Этот ограниченный вход позволяет иностранным компаниям делать выбор – или совместно использовать прибыли и технологии с местным партнером, иногда связанным с правительством, или покинуть крупнейший и быстрорастущий рынок³⁶. Точно также китайские МНК заинтересованы в создании своих филиалов в США или ЕС, которые могут входить в разные мегапартнерства. Развитие внутрифирменного взаимодействия в рамках МНК будет способствовать оптимизации глобализационных процессов. МНК также создают глобальные цепочки добавленной стоимости, для которых фактор снижения трансграничных издержек при преодолении границ отдельных региональных (трансрегиональных) союзов и государств не всегда является приоритетным, а «потери» в некоторых ячейках цепи могут компенсироваться выигрышами в большинстве других. Кроме того, МНК «играют в долгую», учитывая, что временные потери могут компенсироваться в перспективе.

Иллюстрацией этого вывода является последовательный рост зарубежной деятельности МНК (см. табл. 4).

Таблица 4. Расширение деятельности МНК в глобальной экономике (млрд долл.)

Показатели	1990	2005–2007 (в среднем)	2014	2015	2016
Продажи зарубежных филиалов	5097	19973	33476	36069	37570
Добавленная стоимость, созданная зарубежными филиалами	1073	4636	7355	8068	8355
Активы зарубежных филиалов	4595	4140	104931	10621	112833
Экспорт зарубежных филиалов	1444	4976	7355	6974	6812
Занятые в зарубежных филиалах, тыс. чел.	21438	49478	75565	79817	82140

Источник: UNCTAD (2017). World Investment report 2017. Investment and the Digital Economy. P. 26.

36. Freund C. (2017). US Needs China Trade Deals, Not “Remedies”. 14 August. URL: <https://piie.com/commentary/op-eds/us-needs-china-trade-deals-not-remedies>).

Данные, представленные на рис. 7, показывают высокий уровень индекса транснационализации³⁷ 100 крупнейших нефинансовых МНК.

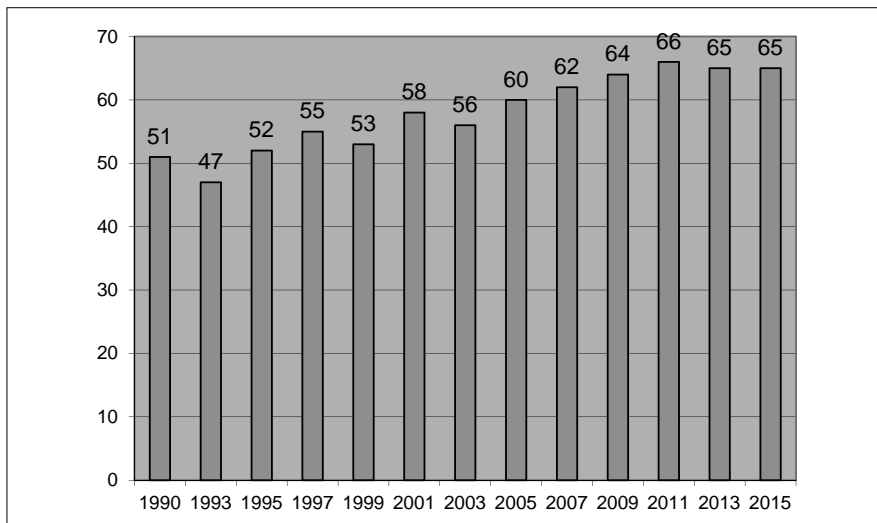

Рис. 7. Изменение индексов транснационализации 100 крупнейших нефинансовых МНК мира

Источник: UNCTAD (2017). World Investment report 2017. Investment and the Digital Economy. P. 27.

Таким образом, процессы регионализации и трансрегионализации, которые могут временно изменить развитие глобализации по отдельным направлениям, в средне- и долгосрочной перспективе будут способствовать ее существенному прогрессу.

37. Индекс транснационализации МНК – это среднеарифметической трех показателей (в %) – соотношения внешних активов ко всем активам, экспорта зарубежных филиалов ко всему экспорту, занятых в зарубежных филиалах ко всем занятым.

Глобализация потребителей

Если в прошлом толчком для развития глобализации была, как отмечалось выше, финансовая, то на современном этапе ее драйвером, помимо цифровых и других современных технологий, являются неформальные связи. Речь идет о контактах между людьми, компаниями, некоммерческими организациями, региональными (муниципальными) образованиями и т.п. Подробно принципы неформальной интеграции, которые могут быть применены и для анализа неформальной глобализации, рассмотрены в монографии «Корпоративная интеграция»³⁸. В ней рассматривается альтернатива формальной интеграции, начинающейся с достижения межгосударственных договоренностей, определяющих перспективы и главные приоритеты экономического взаимодействия. В отличие от нее интеграция «снизу» не требует межгосударственного согласования, создания специальных надгосударственных институтов. Она основывается на экономических интересах, инициативе отдельных акторов рынка и неформальных связях, часто сетевого характера. Неформальная интеграция не предполагает определенной последовательности развития интеграционных процессов, т.е. фактически выступает альтернативой классической пятистадийной стратегии региональной интеграции Б. Балаши.

Уже сейчас наблюдается значительное усиление неформальной глобализации «снизу», драйвером которой выступает потребительская глобализация. В свою очередь, материально-технической базой для глобализации потребления выступает Интернет и цифровизация. Если в 1995 г. было 15 млн пользователей Интернета (0,39% всех жителей Земли), в 2007 г. – 1,15 млрд (17,2%), то к июлю 2017 г. насчитывалось 3,89 млрд (51,7%)³⁹.

38. Хейфец Б.А., Либман А.М. (2008). Корпоративная интеграция. М.: URSS.

39. World Internet Users and 2017 Population Stats (2017). URL: <http://www.internetworldstats.com/stats.htm>).

Представление о распространении Интернета по отдельным странам дают данные табл. 5.

Таблица 5. Пользователи Интернета по отдельным регионам (июль 2017 г.)

Регионы	Число пользователей, млн чел.	Доля пользователей во всем населении, %
Северная Америка	320,1	88,1
Европа	659,6	80,2
Океания/Австралия	28,1	69,6
Латинская Америка	404,3	62,4
Ближний Восток	147,0	58,7
Азия	1938,1	46,7
Африка	388,4	31,2

Источник: World Internet Users and 2017 Population Stats (2017). URL: <http://www.internetworldstats.com/stats.htm>.

О развитии международных связей «снизу» свидетельствуют следующие данные. В 2016 г. международные поездки совершили 1,2 трлн чел., 361 млн чел. сделали покупки за рубежом по каналам Интернет-торговли, 244 млн чел. жили в странах, гражданами которых они не являются, число пользователей социальных сетей, у которых был, по крайней мере, один иностранный «друг», составило 914 млн чел., 44 млн чел. работали on-line за рубежом, 13 млн студентов обучалось on-line и 5 млн непосредственно в зарубежных университетах⁴⁰.

Именно развитие подобных неформальных потребительских связей станет основой для дальнейшего прогресса глобализации мировой экономики. Главной особенностью данного этапа будет постепенный переход от глобализации производства к глобализации потребления.

В тренде этого этапа глобализации развиваются новые финансовые механизмы. Речь идет о технологиях блокчейна и основанных на них криптовалютах и их производных. При трансграничных расчетах они позволяют не прибегать к услугам банков, а также классических платежных систем и других финансовых посредников, максимально снижают стоимость транзакций, обеспечивают их известную анонимность, которая привлекательна для

40. European Commission (2017). Reflection Paper on Harnessing Globalisation. 10 May. P. 7; UNCTAD (2017). Digitalization, Trade and Development. P. 16.

многих потребителей. За 2017 г. рынок криптовалют вырос в 40 раз – с 15 млрд долл. до 600 млрд долл.⁴¹ Сегодня на рынке обращается более 500 криптовалют, ряд государств и компаний заявили о своих намерениях выпустить собственную криптовалюту. Ведущее место продолжает сохранять Биткоин, однако его доля на рынке упала с 85% в мае 2017 г. до 38% в начале января 2018 г. Одновременно значительно увеличили свой удельный вес в рыночной капитализации такие криптовалюты, как Эфириум (20%), Ригл (11%) и Биткоин Кэш (7%).

Рост рынка криптовалют пока обусловлен спекулятивными операциями, что объясняется высокой волатильностью их курсов. Использование криптовалют в расчетах, включая трансграничные платежи, ограничено. Это связано с тем, что не определен их правовой статус, во многих государствах они находятся под запретом. Очевидно, что на этом рынке будут серьезные кризисы, которые не могут не иметь экономических последствий. Но также ясно, что очень быстро будут совершенствоваться технологии блокчейна, которые позволят значительно увеличить расчеты без финансовых посредников. Например, мессенджер Telegram предполагает создать платежную блокчейн-платформу, которая получит название Telegram Open Network (TON), а криптовалюта – Gram. В отличие от многих популярных криптовалют, операции с Gram будут осуществляться буквально за секунду (низкая скорость обработки транзакций – один из главных недостатков биткоина). Предполагается, что это будет многоуровневый блокчейн, т.е. сведения обо всех операциях не будут храниться в одной цепочке – их распределят по нескольким, более мелким блокчейнам. Это позволит существенно ускорить обработку операций⁴². Будут улучшаться и другие технологии блокчейна. Поэтому можно констатировать, что это новая реальность глобализации потребления, с которой нельзя не считаться.

41. Interactivecrypto (2018) 2017, the year of crypto currencies. January. URL: <https://www.interactivecrypto.com/2017-the-year-of-crypto-currencies>.

42. РБК-дейли (2018). Размещение по Telegram: что известно о самом ожидаемом ICO 2018 года. 16 января. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/16/01/2018/5a5ca6859a7947bb3da78d98.

ВЫВОДЫ

В настоящее время можно с уверенностью говорить о начале нового этапа глобализации, который будут определять технологии XXI в., неформальная потребительская глобализация и складывающийся партнерский формат мировой экономики. Если движущей силой глобализационных процессов на прежнем этапе была, как указывалось ранее, финансовая глобализация, то сейчас их драйвером является Интернет и цифровая экономика. Это этап принципиально новой глобализации, когда существенно меняются «правила игры» для бизнеса, постепенно будут формироваться общие экономические пространства без участия надгосударственных формальных институтов и, в более отдаленной перспективе, мир без экономических границ. В то же время переход от этапа глобализации производства к этапу глобализации потребления находится на начальной стадии.

Становление новой модели глобализации не означает, конечно, что старые способы взаимодействия государств с окружающим миром станут неактуальными. Восстановление роста мировой экономики вызовет ускорение роста традиционных трансграничных потоков активов, которые будут дополняться быстрорастущими новыми активами, связанными с развитием сферы ИКТ. Суммарный объем таких трансграничных потоков будет опережать рост глобального ВВП. Поэтому опасения о конце глобализации представляются необоснованными.

Вместе с тем новый этап глобализации требует совершенствования методов исследования, так как отслеживание только межгосударственных потоков физических активов не дает достаточного представления о реальном положении в этой сфере. Важнейшее значение приобретает анализ роста конечных потребителей, потоков информации и других цифровых данных, новых технологий финансовых расчетов, а также процессов реформирования сложившихся в прошлом цепочек добавленной стоимости.

Эти тренды необходимо в принципиально большей мере учитывать не только в долгосрочной стратегии, но и в текущей промышленной политике России. Приоритеты экономической безопасности не должны оттеснять на второй план приоритеты инновационного развития и адекватного ответа на новые вызовы глобализации. Попытки игнорировать мировые тренды и усиление изоляции неизбежно ведут к растрате материальных и человеческих ресурсов, а также ослаблению позиций страны в мировой экономике. В то же время перестройка сложившихся глобальных производственных цепочек предоставляет России и другим «догоняющим странам», стремящимся увеличить экспорт продукции с более высокой добавленной стоимостью, новые шансы эффективного включения в международное разделение труда на основе использования технологий 4-й промышленной революции. Этот сложный вопрос не является предметом данного исследования и требует отдельного комплексного анализа.

Литература

- Бойко А. (2017). Топ-6 строительных принтеров для 3D-печати домов. URL: <http://robotrends.ru/pub/1718/top-6-stroitelnyh-printerov-dlya-3d-pechati-domov>).
- Королева А. (2017). Глобализацию поставили на паузу // Expert Online. 19 янв. URL: <http://expert.ru/2017/01/19/globalizatsiya/>).
- Некинелов А.Д. (2001). Глобализация и стратегия развития экономики России. URL: <https://ecfor.ru/wp-content/uploads/2001/fr/4/01.pdf>).
- Паниев Ю. (2017). Транстихоокеанское партнерство возродят без США // Независимая газета. 13 нояб.
- РБК-дейли (2018). Размещение по Telegram: что известно о самом ожидаемом ICO 2018 года. 16 января. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/16/01/2018/5a5ca6859a7947bb3da78d98).
- Сухаревская А. (2015). Сервис, который меняет все: как Uber разрушает старую экономику // РБК-дейли. 28 дек.
- Хейфец Б.А. (2016). Трансрегионализация глобального экономического пространства // Общество и экономика. № 6.
- Хейфец Б.А. (2017). Политика «открытых дверей» и экономической интеграции — ответ Вьетнама на вызовы глобальной экономики XXI века // Общество и экономика. №12.
- Хейфец Б.А., Либман А.М. (2008). Корпоративная интеграция. М.: URSS.
- Bhattacharya A., Bürkner H-P., Bijapurkar A. (2016). What You Need to Know about Globalization's Radical New Phase. URL: <https://www.bcgperspectives.com/content/articles/>).
- Bhattacharya A., Khanna D., Schweizer C., Bijapurkar A. (2017). Going beyond rhetoric. April 25. URL: <https://www.bcg.com/publications/2017/new-globalization-going-beyond-rhetoric.aspx>).

- Credit Suisse Research Institute (2015). The End of Globalization or a more Multipolar World? September.
- Eden L.* (2016). Multinationals and Foreign Investment Policies in a Digital World // E15 Initiative, International Centre for Trade and Sustainable Development and World Economic Forum. Geneva.
- European Commission (2017). Reflection Paper on Harnessing Globalization. 10 May.
- Evenett S., Fritz J.* (2016). Global Trade Plateaus: The 19th Global Trade Alert Report. London: CEPR Press.
- Freund C.* (2017). US Needs China Trade Deals, Not “Remedies”. 14 August. URL: <https://piie.com/commentary/op-eds/us-needs-china-trade-deals-not-remedies>).
- Hammes T.* (2016). The End of Globalization? The International Security Implications. August (<https://warontherocks.com/2016/08/the-end-of-globalization-the-international-security-implications/>).
- IMF (2000). Globalization: Threat or Opportunity? April.
- IMF (2017). World Economic Outlook. Seeking Sustainable Growth Short-Term Recovery, Long-Term Challenges. Washington, DC, October.
- Interactivecrypto (2018) 2017, the year of crypto currencies. January. URL: <https://www.interactivecrypto.com/2017-the-year-of-crypto-currencies>).
- King S.* (2017). Grave New World: The End of Globalization, the Return of History. New Haven: Yale University Press. May.
- Manangi S.* (2017). Uber’s global expansion strategy – “Think local to expand global” – will it work for startups? 1 August. URL: <https://www.linkedin.com/pulse/ubers-global-expansion-strategy-think-local-expand-work-manangi>).
- MGI (2016). Digital globalization: The new era of global flow. McKinsey Global Institute. March.
- MGI (2017). Making it in America: Revitalizing US manufacturing. McKinsey Global Institute. November.
- MGI (2017). The new dynamics of financial globalization. McKinsey Global Institute. August.

- Petri P., Plumer M., Urata S., Zhai F.* (2017). Going it Alone in the Asia-Pacific: Regional Trade Agreements Without the United States. October. PIIIE Working Paper 17-10.
- Robinson W.* (2011). Globalization and the sociology of Immanuel Wallerstein: A critical appraisal // *International Sociology*. Vol. 26. No. 6.
- The Economist* (2017). Adidas's high-tech factory brings production back to Germany. January 14. URL: <https://www.economist.com/news/business/21714394-making-trainers-robots-and-3d-printers-adidass-high-tech-factory-brings-production-back>).
- UNCTAD (2017). World Investment report 2017. Investment and the Digital Economy.
- UNCTAD (2017). Digitalization, Trade and Development. Information Economy Report.
- Wallerstein I.* (2004). *The Uncertainties of Knowledge*. Philadelphia: Temple University Press.
- WEF (2018). The Readiness for the Future of Production Report 2018. Insight Report. January 11. URL: http://www3.weforum.org/docs/FOP_Readiness_Report_2018.pdf).
- Witt M.* (2016). The End of Globalisation? INSEAD. November (https://knowledge.insead.edu/sites/www.insead.edu/files/styles/w_650/public/styles/panoramic/public/images/2016/11/istock-516195121.jpg?itok=TJnoWci7).
- World Energy Outlook 2017 (2017). International Energy Agency. November. URL: <http://www.iea.org/weo2017>).
- World Internet Users and 2017 Population Stats (2017). URL: <http://www.internetworldstats.com/stats.htm>).
- WTO (2017). Recent Developments in Regional Trade Agreements (January– June 2017). URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/region_e/rtajan-june17_e.pdf).
- Xi Jinping (2017). Keynote Speech at the World Economic Forum Davos, 17 January. URL: <https://america.cgtn.com/2017/01/17/full-text-of-xi-jinping-keynote-at-the-world-economic-forum/>).

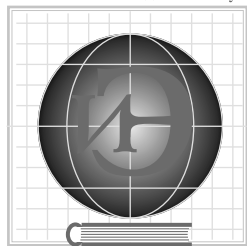

Хейфец Б.А. — д.э.н., гл.н.с. Института экономики Российской академии наук. Профессор ВАК, профессор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. Член Общественного совета при Минюсте Российской Федерации. Член экспертного совета при омбудсмене по защите инвестиций за рубежом. Член Национального комитета по исследованию БРИКС.

Автор и соавтор более 300 работ, в том числе 13 индивидуальных монографий (4 — в соавторстве) и 10 брошюр, опубликованных в России и ряде зарубежных стран (Австралии, Болгарии, Великобритании, Венгрии, Вьетнаме, Казахстане, Китае, Чехии, Монголии, США, Финляндии, Украине, Японии). Наиболее значимые научные публикации последних 15 лет: «Кредитная история России. Характеристика суверенного заемщика» (2003); «Как вернуть кредиты. Урегулирование задолженности иностранных государств

перед Россией» (2005); «Экспансия российского капитала в страны СНГ» (2006); «Долговая политика России: актуальные проблемы» (2007); «Russian Investment Abroad. The basic Flow and Features» (2008); «Корпоративная интеграция. Альтернатива для постсоветского пространства» (2008); «Офшорные юрисдикции в глобальной и национальной экономике» (2008); «Модели региональной интеграции» (2011); «Российский бизнес в странах ЕврАзЭС. Модернизационный аспект» (2011); «Глобальный долговой кризис и риски долговой политики России» (2012); «Пути активизации экономического взаимодействия России и стран БРИКС» (2013); «Деофшоризация российской экономики: возможности и пределы» (2013), «Россия и БРИКС. Новые возможности для взаимных инвестиций» (2014); «Трансрегиональное переформатирование глобального экономического пространства. Вызовы для России» (2016).

Российская академия наук

Институт экономики

Редакционно-издательский отдел:

Тел.: +7 (499) 129 0472

e-mail: print@inecon.ru

Сайт: www.inecon.ru

Научный доклад

Хейфец Б.А.

Метаморфоза экономической глобализации

Оригинал-макет Валериус В.Е.

Редактор Ерзнкян М.Д.

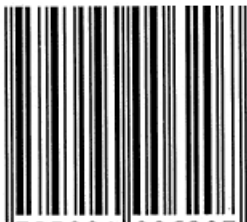
Компьютерная верстка Борищёва И.В.

Подписано в печать 26.02.2018 г. Заказ № 4

Тираж 300 экз. Объем 2,0 уч.-изд. л.

Отпечатано в ИЭ РАН

ISBN 978-5-9940-0620-7

9 785994 006207